

Чу И долго и мучительно билась на полу, прежде чем её голос постепенно стих. А вот Чу Вань сорвала голос гораздо раньше; никто не развязывал ей веревки, и этой отчаянной женщине среднего возраста оставалось лишь тереться головой о собственную дочь, непрерывно бормоча: «Спасите её», «Спасите её».

При виде такой картины Чу Жун лишь с бесстрастным лицом смотрела на них.

Чуть подальше в самом центре безмолвно стоял черный гроб. Шестнадцатилетняя девушка, некогда столь живая и жизнерадостная, теперь даже не могла крикнуть «матушка», и если бы не тайное снадобье, которым её тело каждый день поддерживали от разложения, в такую погоду труп Чу Цзы наверняка уже начал бы гниение.

Но даже если бы он не разложился, что с того? Нетленное тело в конце концов останется лишь телом, и вернуться в мир живых оно уже не сможет.

Видимо, вид Чу И был слишком ужасен, а её недавние слова — неоспоримы, так что ученики в зале начали тихо перешептываться, обмениваясь взглядами.

Ван Чаоши при этом помрачнел и, холодно хмыкнув, произнес:

— Даже теперь вы пытаетесь изворачиваться.

Если к Чу Вань и Чу И Чу Жун ещё испытывала какие-то остатки родственных чувств, то сам он всегда питал к ним лишь отвращение. Эта мать с дочерью постоянно угрожали положению его жены и его дочери. И раз уж он решил жениться на Чу Жун, то их статус стал его статусом, а разве потерпит кто-нибудь храп соседа у своего изголовья?

В этот момент казавшаяся почти потерявшей сознание Чу И через силу открыла глаза, дрожащей рукой коснулась собственной груди, и в её взгляде мелькнул огонек. Резко вскинув голову, она выкрикнула:

— Изворачиваться? С чего бы нам изворачиваться? Ха-ха, ха-ха-ха, видели? Видели? Я признаю: да, мы действительно подсыпали яд, но этот яд от начала и до конца вовсе не был смертельным!

Она выпила отравленный чай на глазах у всех, но не умерла.

А Чу Вань, увидев, что дочь пришла в себя, залилась слезами и отчаянно затрясла головой:

— Зачем ты так, И-эр, зачем ты так.

Чу И пристально, с мрачной глубиной во взгляде посмотрела на мать:

— Если не так, то словам не поверят. Если мы скажем, что этот яд не убивает, нам поверят?

Прояви она хоть малейшее колебание раньше, сейчас её бы наверняка уже предали суду по законам секты и лишили дара речи.

Шёпот в главном зале становился всё громче. Глава Чу слегка приподняла голову, ледяным взглядом обвела присутствующих и наконец остановилась на Чу И:

— Вы утверждаете, что яд не смертельный, тогда зачем нужно было травить?

Чу И крепко сжала запястье матери и чеканила каждое слово:

— Попадая в тело, этот яд уничтожает любые боевые искусства, сколь бы долгими ни были годы тренировок.

Иными словами, яд предназначался для того, чтобы лишить практикующих боевые искусства их внутренней силы.

— Госпожа глава, раз уж дошло до такого, давайте говорить откровенно. Мы с матушкой действительно зарились на место главы Саньфэньу — у кого не возникнет желания, если представляется шанс? И мы действительно дважды подмешивали яд: один раз кузине, другой — вам, и это был один и тот же яд. Мы виновны, но наша вина не в убийстве. А от чьей же руки погибла кузина — спрашивайте с себя.

— Мало ли что вы говорите — подумаешь, один и тот же, — Ван Чаоши смотрел со скепсисом, явно не веря откровениям Чу И. Чу Жун же не стала спешить с ответом, лишь знаком велела тайной страже выступить вперед и проверить состояние девушки.

Но Чу И, оставшаяся теперь ни с чем и ничуть не боявшаяся, прямо заявила:

— Тайная стража — это ваши люди, я им не верю.

Она обвела взглядом зал и протянула руку в сторону Шао Цзюсяо:

— Лучше уж побеспокоить господина Ночного Демона.

Тон её звучал настолько отстраненно, будто она никогда в жизни не забиралась посреди ночи в чужие постели.

Шао Цзюсяо кивнул, шагнул вперед, наполовину поддерживая Чу И, на мгновение сжал её запястье и, встретившись взглядом с Чу Жун, произнес:

— Госпожа Чу И действительно полностью лишилась боевых искусств, её меридианы разрушены раз и навсегда, и учиться боевым искусствам заново она уже не сможет никогда... но жизни её ничто не угрожает.

Для человека из мира Цзянху утрата возможности постигать боевые искусства — всё равно что превратиться в калеку.

Услышав это, многие ученики Саньфэньу резко переменились в лице, украдкой переглядываясь. Особенно те, кто прежде поддерживал партию Чу Вань и Чу И, молча отодвинулись от них подальше, страшась навлечь на себя беду.

Сама же Чу И ни капли об этом не переживала: она сорвала с головы четыре цветка и бросила их на землю:

— Не велика потеря, всё равно не стать мне первой в Поднебесной. Конечно... если глава секты и сейчас будет настаивать, что кузину убили мы, мне больше нечего сказать.

Не то что нечего сказать — даже побороться за себя не осталось шансов. Впрочем, она верила, что Чу Жун не посмеет. Здесь собрались не только все внутренние ученики Саньфэньу, но и двое посторонних. Дело же с гибелью Чу Цзы стало ещё более туманным, и заставить их силой признать вину никак не удастся — люди не поверят.

И действительно, усталость на лице Чу Жун лишь усилилась. За последние дни она, судя по

всему, толком не отдыхала, и её лицо осунулось и слегка припухло. Неумолимая и властная глава секты в этот момент выглядела почти беспомощно.

Она оперлась рукой о подлокотник кресла, выпрямила спину, и её голос прозвучал ровно, без единой эмоции:

— Чу Вань и Чу И замыслили отравить главу и наследницу нашей секты, лишив их боевых искусств. Улики неоспоримы, вина полностью признана. С сегодняшнего дня обе лишаются статуса внутренних учеников, исключаются из кланового реестра семьи Чу и изгоняются из Саньфэньу. Отныне им запрещено именовать себя членами нашей секты и клана Чу.

Услышав это, Чу И наконец глубоко и протяжно выдохнула. Пусть их с матушкой и изгоняют, но они хотя бы сохранили жизни и на них не повесили клеймо убийц.

Ох, пусть отравление — тоже не самая почетная статья, но кто виноват, что Чу Жун не стала пить тот чай? Победитель становится государем, а проигравший — разбойником, так повелось испокон веков. Чтобы выжить в этом мире боевых искусств, нужно быть жестким, и к другим, и к себе.

Тот, кто не проявляет жестокости, обычно становится лишь ступенью для чужого взлета.

В этой партии, поставив на кон всю свою внутреннюю силу, она всё-таки не прогадала.

Когда суматошный фарс подошел к концу, глава Чу велела вновь распахнуть двери главного зала и приказала ученикам дисциплинарного зала увести и выпроводить Чу Вань и Чу И. Некоторые сообразительные младшие ученики тоже смазали пятки в преддверии побега; Чу Жун не стала возиться с ними — подперев голову рукой, она хрипло бросила Шао Цзюсяо и Фэй Цзиню:

— Тогда... придется побеспокоить вас двоих, продолжите расследование.

Похоже, даже будучи так ловко обманутой собственной сестрой, она не осталась к этому столь равнодушной, как казалось внешне.

И впрямь: высоки ступени — холодно наверно на вершине.

Фэй Цзинь моргнул, почесал в затылке и посмотрел на Шао Цзюсяо. Он помнил, что Шао Цзюсяо ранее называл истинным злодеем Ван Чаоши, но они простояли здесь столько времени, толкуя лишь о делах Чу Вань и Чу И, и о Ван Чаоши не прозвучало ни слова. Интересно, что же думает об этом герой Сяо Хун?

А Шао Цзюсяо, проверив пульс Чу И, всё это время держал глаза опущенными и погруженными в раздумья. Услышав слова Чу Жун, он неожиданно расплылся в улыбке:

— Глава Чу, на самом деле мы с Фэем как раз кое в чем разобрались, но есть ещё пара вопросов, в которых нам понадобится ваша помощь.

С этими словами он достал из рукава маленький фарфоровый пузырек из-под благовоний, положил его на ладонь прямо перед Чу Жун и произнес:

— Не сыщется ли в Саньфэньу какого-нибудь сокровища для проверки на яд — помимо серебряных игл? У меня есть подозрения, что именно то, что находилось в этом пузырьке, и погубило Бессмертную Светлой Луны.

Ночной Демон произносил это неторопливо, не сводя глаз с Чу Жун и Ван Чаоши и не упуская малейшего изменения в их выражениях лиц. Чу Жун слегка удивилась, окинув пузырек взглядом и словно не понимая, какая связь может быть между этой вещицей и смертью Чу Цзы.

А вот Ван Чаоши повел себя иначе: помрачнев пуще прежнего, он гневно выпалил:

— Что ты мелешь! Доказательства есть?!

— А вот проверим и сразу станет ясно, правда ли это, разве нет, глава Чу?

Чу Жун бросила взгляд на Ван Чаоши, тот втянул голову в плечи и больше не смел перебивать, после чего глава секты кивнула:

— Можно. Только все те редкие вещицы в секте мы уже опробовали на теле Сяо Цзы, и тогда они ничего не показали.

Она приказала тем двоим тайным стражникам отпереть сокровищницу, и вскоре оттуда принесли целую гору вещей для выявления ядов: палочки для еды из редкого природного дерева, нейтрализующего токсины, змеиные камни со слюной змей из логова Десяти тысяч ядовитых змей, траву чжисинь, привезённую из-за заставы. Напоследок Чу Жун даже сняла с пальца кольцо — не золотое, не серебряное и не медное — со словами:

— Это кольцо реагирует на любые яды. Именно так сегодня утром обнаружили тот чай.

Глава стала передавать кольцо Шао Цзюсяо, как вдруг Ван Чаоши, стоявший рядом, с невероятной суетой и нетерпением в голосе, не сдержавшись, выпалил:

— А-Жун, этот...

— Довольно, тебе не нужно ничего говорить, я и сама всё знаю, — Чу Жун подняла руку, пресекая дальнейшие речи Ван Чаоши, и лишь молча смотрела на Шао Цзюсяо.

Шао Цзюсяо реакция Ван Чаоши казалась всё более странной. Раз уж дело зашло так далеко, он не стал медлить, вытащил пробку из маленького фарфорового флакона, высыпал содержимое и принялся проверять его всеми имеющимися сокровищами по очереди.

Однако ни палочки из редкого дерева, ни змеиный камень, ни трава чжисинь, да даже кольцо главы Чу Жун — ничто из этого не отреагировало на благовония.

Неужели он ошибся? Ван Чаоши ни при чем, а в пузырьке всего лишь обычные благовония? Нет, невозможно. Судя по поведению Ван Чаоши, в этой смеси определенно что-то не так, или же эти «сокровища» просто не способны распознать подобный яд.

Честно говоря, «Ночной демон», исходивший Цзянху вдоль и поперек, видел немало диковинных вещей. Если уж эти средства не могут определить яд, то, возможно, даже его собственная противоядная жемчужина не смогла бы найти здесь подвоха.

В чем же, в конце концов, загвоздка?

Благовония, благовония... Он подсознательно слегка помешал порошок палочкой, и когда аромат коснулся носа, поневоле начал его разбирать: низкосортный борнеол, опилки сандала, ладан крайне посредственного качества, дешевый мускус и ещё что-то...

«Тьфу, и это, по-вашему, аромат, собственноручно составленный мужчиной? Накидал всякой всячины! Удивительно, как Чу Цзы вообще могла это выносить, пахнет хуже, чем из аптечного горшка... Пойдите, аптека? Лекарство?!»

Вот оно что! В этом мире не только яды убивают людей — многие лекарственные компоненты при неправильной дозировке могут стать смертельным оружием. Если принимать их понемногу, но долго, это превращается в поистине незаметное приглашение к смерти.

Серебряные иглы? Сокровища-детекторы? Разумеется, они не отреагируют на обычные лекарства!

Стоило лишь немного увеличить дозировку определенных трав в составе этих благовоний, и при постоянном вдыхании день за днем яд незаметно для окружающих сводил человека в могилу. Как он мог забыть об этом? Изначально все были уверены, что это яд, вот направление мыслей и сбилось с пути.

Похоже, Чу Жун была совершенно не в курсе, иначе, когда он достал пузырек, она не держалась бы так уверенно.

Шао Цзюсяо невольно погрузился в раздумья. Что будет с Чу Жун, когда она узнает, что её собственная «половина» убила их дочь? В конце концов, она только что расправилась с родной сестрой и племянницей. Сначала потеряла дочь, а теперь ещё и муж оказался ненадежным — не слишком ли это жестокий удар для неё?

Он невольно проникся сочувствием к этой женщине. Впрочем, сочувствие сочувствием, а сказать правду необходимо:

— Глава Чу, в этих благовониях нет яда, но, боюсь, в них есть лекарство.

Не успел «Ночной демон» закончить фразу, как лицо Ван Чаоши стало мертвенно-бледным:

— Ты... ты узнал?

Э? А он сам себя выдал.

Впрочем, раз уж рыба сама решила заглотить крючок, Шао Цзюсяо не станет жаловаться на её глупость:

— Старейшина Ван, я не только знаю, что в благовониях лекарство, я ещё знаю, что вы хотели убить Юнь Цинцин, потому что она случайно обнаружила доказательства того, что вы подмешивали этот состав. Однако я не понимаю, зачем вам понадобилось так поступать с Бессмертной девой Светлой Луны.

— Хм, раз уж ты даже про лекарство прознал, чего ещё намеренно спрашиваешь меня "зачем"?

Казалось, он готов был броситься на Шао Цзюсяо, чтобы заставить его замолчать. Оставшиеся в зале ученики поспешили под предлогом бегства убраться прочь, натужно закрывая уши руками — мол, они вообще ничего лишнего не слышали.

— О боги, старейшина Ван убил старшую сестру-наставницу, какой ужас!

Служанка из трапезной, пришедшая сменить чай для Чу Жун, и вовсе задрожала всем телом, боясь, что ради сохранения репутации мужа Чу Жун одним ударом сотрет её в порошок. Но

главе было не до неё: она резко вскочила и отшвырнула Ван Чаоши на пол.

— Благодарю великих героев Шао и Фэй, но в дальнейшие семейные дела клана Чу, прошу вас, больше не вмешивайтесь, — бесстрастно произнесла она.

Когда Чу Вань и Чу И требовали от Фэй Цзиня найти убийцу, они, возможно, надеялись половить рыбу в мутной воде, но в итоге сами же в эти сети и угодили — в конечном счете, сами виноваты.

Однако истинным убийцей оказался родной отец Чу Цзы — эта ошеломляющая тайна, если просочится наружу, будет куда популярнее, чем любой «Летопись любовных побед Ночного Демона». Неудивительно, что у служанки, приносившей чай, подкосились колени, и она рухнула на пол. Бледная как снег, она с ужасом смотрела на главу секты и Ван Чаоши.

Вероятно, она решила, что ей не жить.

Услышав шум, Чу Жун словно только сейчас заметила её присутствие и бросила косой взгляд:

— И ты уходи. Понимаешь, что можно говорить, а что нельзя?

— Служанка понимает, понимает... служанка ничего не слышала, — горничная, сама не веря, что избежала гибели (возможно лишь потому, что Шао Цзюсяо и Фэй Цзинь всё ещё были здесь, и Чу Жун не могла убить её на месте), на четвереньках рванула прочь и быстро исчезла из виду.

Скорее всего, после этого она не то что в Саньфэньу, а даже из Янчжоу сбежит так далеко, как только сможет.

Дверь с грохотом захлопнулась. Ван Чаоши, всё ещё лежа на полу, поднял голову на свою жену, его лицо исказилось:

— Жун-Жун, нельзя же отпускать людей...

— Отпускать или нет, твои поступки уже стали свершившимся фактом. Господа, прошу вас на выход, — Чу Жун вновь указала на дверь.

Шао Цзюсяо прекрасно понимал: сейчас в Саньфэньу намерены закрыть двери и внутренне урегулировать этот скандал. В конце концов, он не чиновник, и не ему судить, должна ли Чу Жун сдавать преступника и давать отчет за смерть дочери.

Он повернулся к Фэй Цзиню, намереваясь увести этого красавца подальше от эпицентра бури:

— Молодой воин Фэй, пойдёмте.

Надо сказать, что Фэй Цзинь, получив кристалл Яньцзин, был настолько очарован миром, который впервые за двадцать лет увидел четко, что даже когда в зале всё перевернулось с ног на голову, он не забывал прислушиваться, одновременно вертя жемчужину в руках и даже подходя вплотную к предметам, чтобы всё детально рассмотреть.

Когда Шао Цзюсяо позвал его, он был так увлечен, что даже исследовал чайную чашку Чу Жун.

Пока он медлил, зазвучал голос Ван Чаоши. Ошеломленный внезапным броском жены, он по инерции начал оправдываться:

— Что значит "мои поступки"? Это дело мы... погоди, Жун-Жун, ты о чем? Ты что, хочешь сказать, что это я убил Мин Юэ? Да что за шутки, ты ведь прекрасно знаешь, что лекарство в том пузырьке было... а-а!

В мгновение ока Чу Жун нанесла удар, блокируя Ван Чаоши точку немоты и ещё несколько жизненно важных точек на теле. Её голос прозвучал холодно и тяжело:

— Городишь чепуху, сам не понимаешь, о чем говоришь.

Она закрыла глаза и вновь указала на выход:

— Верю, что вы оба знаете, что и как следует говорить.

— ...Прошу главу Чу беречь себя.

Глядя на поведение Ван Чаоши, в голове Шао Цзюся всплыла ещё более нелепая мысль, но он промолчал. В конце концов, Чу Жун сама просила Фэй Цзиня найти убийцу, и теперь, когда они дали ответ, а она его приняла, глубже вникать он не хотел.

Однако в тот самый момент, когда Чу Жун слегка расслабилась, Фэй Цзинь, непонятно когда присевший у чайного столика, поднял чашку и внезапно произнёс:

— Глава, глава, почему ваш чай не такой, как у всех? Ой, кажется, это не чай.

В чашке, стоявшей подле Чу Жун, плескалась густая коричневая жидкость, от которой исходил сладкий медовый аромат, а внутри плавали две аппетитные крупные красные финики.

Это был отвар из фиников на меду.

— А, я помню, когда мы пришли в первый раз, вы чувствовали себя неважно, постоянно кашляли, и когда он налил вам чаю, вы не стали его пить, — Фэй Цзинь имел в виду именно Ван Чаоши.

Ван Чаоши, будучи обездвиженным, не мог ни говорить, ни двигаться, и лишь его глазные яблоки бешено вращались. Услышав это, он, кажется, о чем-то догадался и принялся отчаянно моргать, а в его глазах читалось невероятное потрясение.

Дыхание главы Саньфэнью на мгновение перехватило. На лице, которое до этого момента не выражало ни боли, ни печали, ни гнева, промелькнула тень смятения, но вскоре она вновь сменилась холодным безразличием:

— У юного героя Фэя есть претензии к тому, какой чай я предпочитаю?

Фэй Цзинь озадаченно почесал в затылке:

— Неправильно... Если бы вы любили это с давних пор, служанка не подала бы вам зеленый чай, да и старейшина Ван не стал бы наливать его вам. Хм, глава Чу, вы, случаем, не беременны?

Он произнес это наугад, исходя из своих наблюдений, но Чу Жун это известие ударило сильнее всего. Она даже покачнулась и отступила на два шага назад.

Веки Ван Чаоши задрожали ещё сильнее. Неизвестно, от сильного потрясения или от переполнявшей его грусти, но из его глаз скатилась слеза, упав на воротник и быстро

впитавшись в ткань. Шао Цзюсяо, который до этого хотел остаться в стороне, в душе тяжело вздохнул. Фэй Цзинь своей обезоруживающей прямоотой и острой проницательностью затянул их в такую пучину, из которой теперь просто так не выбраться.

Не раздумывая, он сделал шаг вперед и снял с Ван Чаоши блокировку точек.

Ван Чаоши тут же рухнул на пол, не обращая внимания на окружающих, и пополз к Чу Жун:

— Жун-Жун, ты беременна? Ты правда снова беременна? Но... Мин Юэ уже шестнадцать лет, как это возможно?

Он, казалось, хотел коснуться живота жены, но Чу Жун крепко схватила его за руку, и в её голосе смешались радость и горе:

— Да, Цзы-эр уже шестнадцать.

Слышалось, что отношение этих двоих к беременности было совершенно разным. Ван Чаоши был одновременно удивлен и счастлив, в то время как чувства Чу Жун были полны противоречий.

— Ей ведь уже шестнадцать, — Чу Жун, словно сама не веря в это, повторила фразу, прежде чем медленно положила руку Ван Чаоши на свой живот:

— Этот ребенок пришел слишком поздно.

Шао Цзюсяо покачал головой и вздохнул:

— Значит, Бессмертная Светлой Луны всё-таки не была вам родной дочерью?

В тех обстоятельствах, когда сверху давила предвзятая мать, а снизу подпирали честолюбивые Чу Вань и взрослеющая с каждым днем Чу И, решение четы Чу купить девочку-младенца было вполне объяснимо.

Хотя Юнь Цинцин клялась, что Чу Цзы — родная дочь, она была лишь сторонним человеком, да и её мастерство оставляло желать лучшего. Даже долго пробыв в Саньфэньу, она не могла видеть всей картины.

Это объясняло, почему лекарство, которое когда-то давала Чу Вань, не привело к выкидышу: Чу Жун попросту не была беременна!

Однако при таком раскладе появление родного ребенка делало положение Чу Цзы крайне неловким. Родители вряд ли могли смириться с тем, что родной наследник не сможет занять место главы секты, верно?

И вот сегодня Бессмертная Светлой Луны тихо и безмолвно легла в гроб, так и не узнав, что убила её собственная мать.

Да, именно Чу Жун.

Ван Чаоши явно не знал о беременности жены, так что у него действительно не было причин убивать Чу Цзы. Однако он признал наличие лекарств в благовониях — что же это были за препараты?

Даже когда истинный убийца был раскрыт, многие тайны всё ещё оставались окутаны густым

туманом, скрывающим правду.

Но, возможно, сейчас ему следовало думать о том, как вытащить Фэй Цзиня из этой передраги.

Служанка до этого имела шанс выжить, но теперь, когда убийцей оказалась сама Чу Жун, позволит ли она им с Фэй Цзином уйти живыми?

Молодой воин Фэй даже не подозревал, в какой опасности они оказались. Или, возможно, в его глазах никакой опасности не было. Он даже подошел к гробу, долго рассматривал тело Чу Цзы через Кристалл Яньцзин и внезапно произнес:

— Сяо Хун, ты не прав.

Шао Цзюся машинально спросил:

— В чем не прав?

— Юная госпожа Чу так похожа на старейшину Вана, она точно не приемная»

— Хм?

— Помнишь историю, которую рассказывала Юнь Цинцин? Она говорила, что в Саньфэньу всегда правили женщины, потому что искусство «Цветочных кулаков и вышитых ног» максимально эффективно только в их руках. Неудивительно, что, впервые увидев госпожу Чу, я заметил, что её голос отличается от голоса жены старейшины Ван. На самом деле, глава, госпожа Чу — мужчина, верно?

— ???

Шао Цзюся был поражен, словно громом.

Но в то же время множество нестыковок в один миг получили объяснение.

Почему сразу после рождения Чу Цзы чета Чу под предлогом того, что ребенка нельзя «изнеживать», поселила её в отдельном дворе Хуанци, не разрешала иметь личных служанок и никого не подпускала к дому? Потому что на самом деле она была мальчиком.

Почему комната Чу Цзы была такой пустой и чистой, без девичьих украшений и аксессуаров? Они думали, что ей некуда крепить заколки, а на деле — потому что она была юношей.

Почему Ван Чаоши заставлял Чу Цзы использовать столь низкосортные благовония с резким запахом? Чтобы все держались от неё подальше, и никто не раскрыл её мужскую природу.

Почему Чу Цзы так усердно тренировалась, но всё равно не могла достичь уровня Чу Жун? Потому что искусство «Цветочных кулаков и вышитых ног» изначально не подходило мужчинам.

Шао Цзюся даже вспомнил слова Шуцин о том, что раньше вкус в Саньфэньу не был таким странным. Чу Жун внезапно приказала всем, включая учеников-мужчин, носить розовое и выкрасила все павильоны и беседки в розовый цвет именно после рождения Чу Цзы.

Так вся секта превратилась в гротескный розовый океан, и посторонним было трудно заметить странности Чу Цзы.

Вот оно что.

Ночной демон взглянул на Бессмертную Светлой Луны в гробу. Обычно мужчины выше, крупнее и крепче женщин, а шестнадцатилетняя Чу Цзы была нежной, миловидной и очаровательной, ростом около шести чи, без намека на кадык, с чистым лицом без единого волоска.

Он наконец понял, что это были за лекарства.

— В тех благовониях были препараты, останавливающие рост Бессмертной девы Светлой Луны, так ведь?

Постоянно контактируя с ними, она сохраняла рост и хрупкость, соответствующие девичьим, словно настоящая дочь, становясь самым надежным фундаментом для трона главы секты, на который метили Чу Жун и её муж.

— Я слышал, что старый глава секты после рождения Чу Цзы тяжело заболел и не мог толком её рассмотреть из-за помрачения рассудка... Неужели и это...

Шао Цзюсяо решил идти до конца.

Ещё в тот момент, когда Фэй Цзинь указал на то, что Бессмертная — мужчина, Чу Жун закрыла глаза. Теперь она глубоко осела в кресло и глухим, хриплым голосом ответила:

— Нет, матушка действительно была тяжело больна.

То, что она отрицала лишь это, означало, что все остальные догадки — чистая правда.

Пожалуй, известие о том, что Мин Юэ на самом деле был мужчиной, звучало куда более шокирующе, чем то, что наследница Саньфэньу была приемной. Если бы выяснилось, что Чу Цзы — мужчина, всё Саньфэньу содрогнулось бы от потрясения, не говоря уже о Чу Вань и Чу И, которые только и ждали случая вырвать власть из рук главы.

Фэй Цзинь перестал улыбаться. Его лицо стало серьезным, он не мигая смотрел на Чу Жун, и в его взгляде читалось полное неодобрение:

— Значит, как только вы узнали, что беременны, то тут же, не раздумывая, убили Чу... Чу Цзы.

Теперь его нельзя было называть ни Бессмертной Светлой Луны, ни госпожой Чу.

— А вы не боялись, что и в этот раз родится мальчик?

— Я приглашала прославленного лекаря, он подтвердил — будет девочка.

— А откуда вы знаете, что лекарь не ошибся? Вдруг он наврал? Вдруг обманул вас? Так нельзя, убивать — это плохо.

Чу Жун прикрыла лицо рукой, но не смогла скрыть своей изможденности:

— Разве я не знала? Но у меня не было выбора. С каждым годом Цзы-эр становился всё взрослее и всё больше походил на мужчину.

Одна ошибка влечет за собой другую. Ложь поначалу была крошечной, но в итоге, подобно снежному кому, она разрослась до небес, став зияющей дырой, которую не залатать даже

богине Ньюйве — оставалось лишь положить этому конец раз и навсегда.

В комнате воцарилась тишина.

Чу Жун перевела взгляд через Фэй Цзиня и Шао Цзюсяо на темный, тяжелый гроб, где покоилось её дитя. Шестнадцать лет назад, когда жизнь только зарождалась в её утробе, это принесло лишь безграничную радость и ликование. Но в тот момент, когда он появился на свет, все надежды рухнули в бездну.

Разумеется, она любила его — своего первенца, который нес в себе всё то любопытство, неловкость, тревогу и трепет, присущие первой материнской любви. Но он родился в окружении волков и тигров, став лишь новой бедой в и без того тяжелой жизни. В итоге супруги, сжав сердца, решили пойти на обман, выдав подкидыша за истинную наследницу.

Чу Цзы и сам не раз сомневался в своем происхождении. По мере взросления сомнения становились всё сильнее. Но, к счастью, он был послушным и выносливым ребенком, никогда не жаловался на суровые требования родителей, и даже если спал всего по два часа в сутки, всегда ставил волю родителей превыше всего.

Искусство «Цветочных кулаков и вышитых ног» совершенно не подходило мужчинам, но он, упорством и прилежанием компенсируя нехватку таланта, уже к юности демонстрировал силу и стать, достойные будущего главы секты.

Что ещё ценнее несмотря на то, что Чу Жун и Ван Чаоши оберегали его от близкого общения с другими, дабы скрыть тайну, юноша, выросший в одиночестве, не стал угрюмым или строптивым. Он оставался добрым, открытым, щедрым и глубоко чувствующим человеком.

Чу Цзы был хорош во всем. Даже с невысоким мастерством в боевых искусствах он был почти идеальным наследником. Если бы не одно «но»... он был мужчиной.

И одно это «но» стало смертельным пороком.

Чу Жун ни на миг не находила покоя, раздираемая противоречиями. Эта ложь, длившаяся более десяти лет, стала болезнью, от которой невозможно исцелиться. До тех пор, пока Чу Цзы не превратился в настоящую девушку, риск разоблачения оставался всегда, а разоблачение обернулось бы грандиозным скандалом, который потряс бы весь мир боевых искусств.

Если представить Саньфэнью как живое существо, то Чу Цзы был его смертельной точкой — достаточно легкого прикосновения, чтобы всё рухнуло.

И именно в этот момент Чу Жун узнала, что снова беременна.

Когда она уже не надеялась родить дочь, врач сказал, что она ждет девочку.

В тот день шестнадцатилетний Чу Цзы вернулся в Саньфэнью разгневанным, дергая себя за розовый шарф и жалуясь, что встретил на улице жестокого бандита с топором, который среди бела дня терроризировал народ. Он твердо решил, что должен найти способ избавить людей от этой напасти.

Он спросил её:

— Матушка, когда ты наконец научишь меня последнему приему "Изящных ударов"?

Она посмотрела на него и, словно в бреду, ответила:

— Сегодня ночью.

В тот миг, вдыхая невыносимо дешевый аромат пудры от Чу Цзы, первой её мыслью было:

— Как здорово, что больше не придется вдыхать этот запах.

Чу Цзы улыбнулся — чистой, искренней улыбкой. Она тоже улыбнулась ему в ответ, и в её глазах сверкнул холодный блеск.

Вскоре Чу Жун сослалась на недомогание и временно передала управление Саньфэньчу Чу Вань и Чу И. Она знала, что мать и дочь годами не оставляли попыток захватить власть, и давно получила секретное донесение, что Чу Вань раздобыла новый вид яда.

Она хорошо знала свою младшую сестру — Чу Вань точно не упустит возможности действовать, особенно когда в Янчжоу нашелся такой удобный «козел отпущения».

Разбойник с топором, мастерство которого выше, чем у Чу Цзы — о, разве убийства и поджоги не были для него обычным делом?

В тот вечер Чу Вань действительно приказала Чу И отнести чай и пирожные в павильон Хуанци. К сожалению для них, мать с дочерью не знали, что Чу Цзы, с детства приученный родителями к осторожности, сразу же всё вылил — он никогда не прикасался к еде, принесенной теткой или кузиной.

Но с Чу Жун всё было иначе. Когда она сама принесла чашку женьшеневого чая, тот ребенок, лучезарно улыбаясь, без колебаний выпил всё до дна.

Откуда бы взяться следам борьбы? Их не могло быть, ведь он погиб от рук того, кому доверял больше всего на свете.

Чу Жун подумала: возможно, Цзы-эр до самого конца так и не понял, почему мать решила его отравить.

Шао Цзюся поднял голову и посмотрел на Чу Жун, восседавшую на высоком троне. Его голос звучал холодно:

— Значит, вы с самого начала собирались сделать Фэй Цзиня козлом отпущения? Жаль, что я появился неожиданно и своими показаниями спутал все карты, вынудив вас имитировать расследование, чтобы выставить Чу Вань и Чу И заслоном?

Чу Жун отбросила всё еще дрожащую руку Ван Чаоши, выпрямилась и ответила с легкой усмешкой:

— Почему же спутал? Даже без юного героя Фэя убийцами должны были стать они — ведь моя дорогая сестрица всё равно собиралась отравить его, не так ли?

Ночной демон замер на мгновение, перебирая в памяти прежние события, и внезапно всё понял.

— На самом деле госпожа Чу И, выпив тот чай, сама не была уверена, убьет ли этот яд, ведь в Цзянху никогда не слышали об этом чудесном составе, лишающем сил. А до того они сами не знали, что Мин Юэ на самом деле вылил чай и пирожные, и в итоге погиб от ваших рук. Если

бы мы с Фэй Цзином не мутили воду, они сами бы до смерти перепугались, решив, что Чу Цзы умерла из-за того, что они не рассчитали дозировку.

Воистину, хитроумный и жестокий план. Если бы Чу И не решилась выпить яд и не обнаружила, что он не смертелен, она бы действительно никогда не смогла доказать свою невиновность.

Чу Жун внезапно встала, оттолкнула пытавшегося поддержать её дрожащего Ван Чаоши и стала шаг за шагом спускаться по ступеням:

— Ночной демон действительно умен. Но скажите, посчитали ли вы двое свой собственный срок?

Её кулаки сжались, энергия Ци начала концентрироваться, кожа на руках из белой стала ярко-алой, словно красный нефрит — пугающее, но завораживающее зрелище.

Фэй Цзинь, который прежде больше всего на свете жаждал сразиться с этой главой секты, в этот раз покачал головой и произнес:

— Я не буду с тобой драться.

— О? Молодой воин Фэй отступает до начала битвы? Это не подобает человеку мира Цзянху.

— Я, конечно, не знаю, что делают остальные люди в мире Цзянху, но я не могу с тобой драться. У тебя внутри маленький малыш, и тебе не следует ввязываться в драки.

Он был тверд в своем намерении стать праведным врагом боевых искусств.

Прославленная глава Саньфэньу застыла. Похоже, она не ожидала, что Фэй Цзинь, находясь на пороге смерти, скажет нечто подобное. Она странно посмотрела на него, и долгое время молчала. Наконец, она медленно покачала головой, отвернулась и, казалось, в один миг постарела на десяток лет.

— Ладно, уходите, — она махнула рукой.

Ван Чаоши хотел что-то сказать, но в конце концов просто подбежал к жене и поддержал её. На его лице читалось выражение, в котором смешались слезы и улыбка.

Шао Цзюся, который уже успел наполовину вытащить свой Меч Беспутства, увидев это, медленно вернул его в ножны. Он взял Фэй Цзиня за руку и с уважением произнес:

— В таком случае, благодарю вас, глава Чу. Если весть о сегодняшних событиях выйдет за пределы этих стен, я могу гарантировать — это произойдет не по нашей вине.

— Ничего, сегодняшнее Саньфэньу — уже не то, что было вчера, — Чу Жун медленно вернулась к своему трону и села.

— Не затруднит ли вас двоих помочь моему ребенку... накрыть гроб крышкой?

Она понимала: если это сделает она, Чу Цзы наверняка не упокоится с миром.

Фэй Цзинь уже было открыл рот, чтобы согласиться, но Чу Жун внезапно изменила решение:

— Впрочем, не надо. Я сама. Уходите.

Когда ворота Саньфэнью за их спинами медленно закрылись, Шао Цзюся, всё это время пребывавший в крайнем напряжении, наконец выдохнул. Он потер свое лицо, затем ущипнул Фэй Цзиня за щеку и вздохнул:

— Молодой воин Фэй, ну как ты догадался, что Чу Жун беременна?

Даже он, мастер любовных походов, не заметил этого! Хотя, надо признать, ему ещё не доводилось приводить женщин к беременности.

— М? Ну, она же пила отвар из красных фиников. В историях, что рассказывал наставник, беременные женщины всегда пьют такой.

— ...

Ночной демон вдруг почувствовал, что ему стало жаль главу Чу. Казалось, её только что обвели вокруг пальца.

Впрочем, Фэй Цзиня больше занимали другие вопросы. По дороге он без умолку засыпал Шао Цзюся расспросами: «Почему Ван Чаоши хотел убить Юнь Цинцин?», «Зачем Юнь Цинцин украла — тьфу, то есть, зачем она взяла вещи Чу Цзы?», «Почему перед смертью Юнь Цинцин не звала на помощь, а смотрела на кучу пепла и плакала?» и всё в таком духе.

— Думаю, тот обрывок свитка был картиной. А человек на картине — скорее всего, Чу Цзы.

Шао Цзюся подумал, что если он не ошибается, то Чу Цзы на той картине, вероятно, был в мужской одежде. А тот человек в черном — будь то Ван Чаоши или сама Чу Жун (скорее, всё же Чу Жун) — изначально хотел лишь вернуть пузырек, но увидев картину, решил убить Юнь Цинцин.

Что же касается Юнь Цинцин... осознала ли она, что Чу Цзы был мужчиной, и именно поэтому прониклась к нему чувствами, или же её чувства заставили её надеяться, что он — мужчина, — знала только она сама.

От начала до конца в этой игре единственным человеком, кто по-настоящему, всей душой скорбел о смерти Чу Цзы и искренне желал найти убийцу, чтобы отомстить, была, скорее всего, именно она.

Жаль, что Чу Цзы уже не сможет узнать об этом чувстве.

— Думаю, нам лучше поскорее покинуть Янчжоу.

Хотя сейчас Чу Жун их отпустила, кто знает, не пожалеет ли она об этом завтра? Если она решит действовать втихую, следующая встреча будет куда опаснее, чем просто какая-то девица в опочивальне.

Однако Фэй Цзинь наотрез отказался:

— Давай подождем, Сяо Хун, я хочу остаться ещё на пару дней.

Он хотел втайне проводить Чу Цзы в последний путь. Пусть они не были близко знакомы и едва перекинулись парой слов, но ведь именно Чу Цзы стал первым достойным противником, которого он встретил после спуска с горы. Он мог бы стать отличным союзником на пути Фэй Цзиня к славе «врага мира боевых искусств», но судьба распорядилась иначе — всего одна

встреча.

Прекрасная, как цветок, девушка.

Нет, правильнее — прекрасный юноша.

Что оставалось делать Шао Цзюсяо? Не мог же он вырубить Фэй Цзиня и утащить его силой — это не в духе благородных меченосцев, да и не факт, что он смог бы это сделать. Пришлось, как верному другу, сопровождать его.

На следующий день Саньфэнью наконец сняли все розовые украшения, облачившись в траурные белые одежды. Весть о том, что первая красавица Янчжоу скончалась от внезапной болезни, облетела весь город, и жители скорбели вместе с сектой.

Разумеется, вместе с этим ползли слухи, что Бессмертная Светлой Луны умерла не от болезни, а от рук убийцы.

Похороны Чу Цзы прошли с величайшими почестями. Его предали земле на семейном кладбище клана Чу за пределами города Янчжоу, в месте с лучшим фэншуй. Поскольку он безвременно скончался совсем юным, церемонию не растягивали на сорок девять дней, похоронив сразу после седьмого дня.

В ночь погребения Фэй Цзинь, прихватив с собой не слишком сильного в легкой поступи Шао Цзюсяо, миновал стражу и тихо пробрался к могиле Бессмертной девы Светлой Луны.

Он принес с собой короб с пьяными крабами из «Ваньтинчунь», деньги, которые хозяин заведения снова крепя сердце выложил из своих личных сбережений, и два кувшина отменного вина. Поставив всё это перед могилой, он поднял чарку:

— Госпожа Чу, ты была хорошим человеком! Пью за тебя, ты настоящий мужчина!

Шао Цзюсяо про себя подумал: «Может, уже не стоит называть его "госпожой"?»

В этот самый миг откуда ни возьмись подул леденящий душу ветер, и свеча, стоявшая в углу, беззвучно погасла. А одновременно с этим из самой могилы раздался жуткий стук — «тук-тук-тук», и чей-то низкий, хриплый, странный голос проворчал:

— Кто это тут "госпожа"? А ну, закрой рот!

<http://bllate.org/book/17303/1994664>